

УДК 316.4

ЮЛИЯ СВЕЖЕНЦЕВА,

кандидат социологических наук, начальник научно-исследовательской лаборатории кадрового, социологического и психологического обеспечения ОВД Харьковского национального университета внутренних дел

ОКСАНА ПРОСКУРЯКОВА,

кандидат социологических наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории кадрового, социологического и психологического обеспечения ОВД Харьковского национального университета внутренних дел

Традиция: концептуализация и направления изучения

Аннотация

В социальных науках существует необходимость концептуализации “традиции” с целью ее осмысления с использованием классических и современных социологических теорий. Авторы предлагают рассматривать традицию как устойчивый групповой стереотип социального действия, существующий в социальных системах в течение продолжительного времени и имеющий социально-культурный механизм передачи от поколения к поколению. Концептуализация традиции как стереотипа социального действия открывает возможность изучать этот феномен и как социальное действие, и как составную общественных знаний. На основе теорий социального действия, в частности М.Вебера и Т.Парсонса, авторы разработали идеально-типическую модель традиционного действия. Идеальные типы традиционного и смыслоориентированного действия являются полюсами континуума, вдоль которого аналитически расположены реальные традиции, тяготеющие к тому или иному полюсу в зависимости от этапа становления/разрушения традиции.

Рассматривая роль традиций в социальной системе, авторы определяют важные для социальной системы случаи преобразования целерациональных действий в традиционные, а также исследуют место традиции в системе установленного социального порядка. Для анализа механизма возникновения и разви-

тия традиции в социальной системе авторы применяют идеи социологии знаний и обосновывают гипотезу о том, что генезис традиции подобен становлению любой парадигмы как общепринятого образца действий и мыслей. В статье раскрыты основные факторы развития традиции по эволюционному или революционному сценарию и проанализированы особенности традиции в зависимости от стадии ее становления и развития.

Ключевые слова: *традиция, социальное действие, смыслоориентированное действие, традиционное действие, установленный социальный порядок*

Дискуссии о месте и роли традиций в современной жизни не меньше лет, чем социологической науке вообще. Исследованием разных аспектов этого феномена с давних пор занимаются представители различных отраслей науки — историки, археологи, этнографы, культурологи, философы, психологи, социологи и т.п. Вместе с тем каждая отрасль при изучении традиции почти не учитывает достижений других и в итоге возникло множество разнообразных определений традиции и разнородных (в определенном смысле противоположных) подходов к ее месту и роли в социуме.

Сегодня в науке можно выделить два взгляда на традицию как социальный феномен. Согласно первому — традиция предстает в качестве необходимого элемента каждой социальной системы, который поддерживает в ней равновесие и порядок, помогает актерам в процессе социализации и коммуникации, а также осуществляет другие важные функции. Сторонники этого взгляда акцентируют опыт прошлых поколений, который лежит в основе традиции и который необходимо сохранять и использовать, поскольку “прошлое определяет настоящее и будущее”. Согласно второму взгляду, традиция представляет собой нечто бессмысленное, ненужное, консервативное, что создает препятствия в развитии системы и отдельных ее элементов. Приверженцы данного взгляда усматривают в традиции “пережиток прошлого”, явление, когда “мертвые правят живыми”.

Вопрос о роли традиций в социальных системах — это не просто дань любознательности ученых ради накопления знаний. Он имеет также аксиологическую ценность. История свидетельствует, что в определенных странах традиция может способствовать экономическому, политическому, культурному развитию, обуславливать его. В других странах, напротив, традиция может оказаться помехой всем прогрессивным преобразованиям. Яркие подтверждения этого тезиса дают исследования Френсиса Фукуямы в отношении факторов экономического развития стран, а также Диего Гамбетты о социально-политическом развитии регионов Италии. Становится понятным, что традиции следует изучать под углом зрения причин их зарождения и устойчивости, механизмов передачи и закрепления, функциональных и дисфункциональных последствий и т.п.

Подобная противоположность взглядов на традицию вызывает дискуссии по поводу самого объекта исследования, и в этих дискуссиях обнаруживается, что традицией ученые называют разные с социологической точки зрения феномены: нормы, ценности, действия, практики, знания и др. Это усложняет создание общей теории традиции, поэтому не удивительно, что на современном этапе такой теории нет. Не вызывает сомнений необходи-

мость концептуализировать традицию таким образом, чтобы определение открывало возможности для изучения феномена традиций на основе социологических теорий, доказавших свою эвристическую ценность.

Проблеме исследования традиции в социологии в разные периоды уделяли внимание представители практически всех парадигм и научных направлений: П. Бергер, Г. Блумер, М. Вебер, Г. Гарфинкель, И. Гофман, Э. Дюркгейм, О. Конт, Т. Лукман, Б. Малиновский, Р. Мертон, Д. Норт, Т. Парсонс, А. Редклифф-Браун, В. Самнер, Г. Спенсер, Дж. Тернер, У. Уорнер, Э. Шилз, П. Штомпка, А. Захаров, Ю. Левада, В. Плахов, И. Суханов и др. В то же время последовательного комплексного социологического рассмотрения традиций как центрального объекта исследования еще не проводилось. И первым шагом на пути создания социологической теории традиций должна стать такая концептуализация традиции, которая будет полезна для обогащения знаний об этом феномене. Итак, целью данной статьи является попытка: сформулировать определение традиции, которое бы открывало возможности для ее осмысления путем обращения к классическим и современным социологическим теориям; очертить направления и перспективы изучения традиций в рамках указанных теорий.

Анализ теоретико-методологических подходов к изучению традиции обнаружил у большинства авторов общий взгляд на традицию как регулярно повторяющуюся форму поведения, унифицированную и стандартизированную, а также признанную и поддерживаемую в определенной социальной общности. Такое определение свидетельствует о связи традиции со стереотипом.

В то же время необходимо указать, что в основе традиции всегда лежит ориентация на социум, даже когда актор, действующий традиционно, этого не осознает. Это проясняет и семантика термина “традиция”. В переводе с латыни *traditio* означает передачу опыта, ценностей, норм от *других*, поэтому действие по традиции всегда имеет социальный характер и принадлежит к особому типу социальных действий.

Исходя из этого, мы предлагаем использовать следующее определение традиции:

традиция — это устойчивый групповой стереотип социального действия, существующий в определенных социальных системах в течение длительного времени и имеющий социально-культурный механизм передачи от поколения к поколению.

Обоснуем основные фрагменты этого определения.

1. В переводе с греческого стереотип — это отражение. Рассматриваемый термин используют в разных значениях и в различных областях науки и жизни. Например, в издательской деятельности этим термином обозначают копии с печатного набора или клише, используемые для тиражирования изданий. Наиболее распространено в повседневной жизни и гуманитарных науках понимание стереотипа как упрощенного, схематизированного, привычного и постоянно повторяемого образца или стандарта чего-либо (мнения, восприятия, поведения) [Большой энциклопедический словарь, 2002: с. 841–842].

Основными чертами стереотипа как социального феномена считаются: 1) упрощение (стереотипы уменьшают транзакционные затраты и экономят время акторов); 2) отсутствие критичности в восприятии (стереотипы, при-

чины и законы их функционирования практически не поддаются осознанию и анализу со стороны акторов); 3) ригидность (стереотипы не модифицируются или же их модификация происходит слишком медленно; прямое влияние на сознание с целью изменить стереотип, как правило, приводит к использованию акторами возможных стратегий защиты: фильтрации или игнорирования информации, уклонения, противодействия и т.п.).

2. Мы рассматриваем традицию именно как групповой стереотип действия. Это указывает на ее общепринятость и унифицированность в социальной системе либо на ее отдельных уровнях, а также оставляет вне рассмотрения индивидуальные стереотипы, привычки, установки, представления, рассматриваемые в рамках психологии.

3. В определении мы делаем акцент на длительности и устойчивости традиции, а также указываем на то, что к традиции относятся лишь те устойчивые групповые стереотипы действия, которые не созданы самим индивидом или группой индивидов или не являются продуктом их собственного творческого воображения, то есть то, что им не принадлежит, а передается извне, в частности — от поколения к поколению. При этом мы рассматриваем понятие “поколение” в одном из его определений, чаще других встречающемся в социологических работах (в отличие от демографических и историко-культурологических): как группу людей, близких по возрасту и объединенных совместной деятельностью (например, в таком смысле говорят, что выросло новое поколение ученых) [Большая энциклопедия, 2006: т. 37, с. 451].

Концептуализация традиции как стереотипа социального действия открывает возможность для изучения этого феномена и как социального действия, и как составляющей общественных знаний. В рамках данной публикации для анализа традиций мы воспользуемся теориями социального действия, в частности М.Вебера и Т.Парсонса, а также идеями Т.Куна касательно становления парадигм знания.

Предложенный нами теоретико-методологический подход к изучению конкретных традиционных действий отличается от используемого М.Вебером и осуществляемого путем сравнения конкретных традиционных действий с идеальным типом целерационального действия. В свою очередь, мы предлагаем: используя современные версии теорий смыслоориентированного действия, разработать идеальный тип традиционного действия, определить его признаки и детерминанты и все реальные традиционные действия изучать путем соотнесения с этим идеальным типом.

Для осмысления социального действия М.Вебер использует такую стратегию определения идеального типа рационального поведения для того, чтобы все социальные и реактивные действия изучать на основе сравнения с ним. В исследовании М.Вебера “Хозяйство и общество” такое идеально-типичное действие именуется в первом приближении “рациональным”, а далее — “целерациональным”. Для него характерны:

- 1) четко осознанная цель действия, не вызывающая сомнений в плане ее осуществления;
- 2) осознанное представление о том, что планируемое действие достигает цели с минимальными затратами;
- 3) предположение о том, что действие согласовано с его целью, то есть представления субъекта об определенной ситуации были правиль-

ными, как и представление о том, с помощью каких действий он может достичь намеченной цели [Вебер, 2007: с. 29].

Эту модель, по мнению М.Вебера, следует применять для объяснения конкретного действия. При этом он определяет два принципиальных класса отклонений конкретных реальных действий от идеально-типичной модели целерационального действия. Первый — когда действующее лицо исходит из ошибочной информации о ситуации и о вариантах действия, которые могут привести к реализации поставленной цели. Второй класс отклонений — когда индивид совершает ценностно-рациональное, аффективное или традиционное действие, которое:

а) не определяется путем четкого осознания цели и характеризуется на основании целей, осуществляемых непосредственно, когда актер учитывает другие целевые установки; б) не определяется основывающимся на имеющейся информации рациональным расчетом соразмерности и согласованности действия с ситуацией [Вебер, 1990: с. 184].

Таким образом, традиционное действие, подобно ценностно-рациональному и аффективному, М.Вебер рассматривает как ограничение рациональности — чем дальше такие действия отклоняются от целерационального идеального типа, тем больше иррациональных признаков они проявляют. В основу традиционного действия, согласно М.Веберу, положена цель, осуществление которой может вызывать сомнения, как и выбор этой цели при условии осознания ее нежелательных последствий с учетом других целей. Однако расчет вариантов действия происходит очень быстро и не является рациональным. Происходит неосознанное и нерациональное определение вариантов действия в плане их соразмерности и согласованности с его целью. Традиционное действие связано с правилами конкретного социального порядка, содержание и цель которого окончательно не известны. При подобном типе действия имеется цель, для достижения которой необходимо наличие определенной последовательности действий. В этом случае данная последовательность не является результатом калькуляций. В случае традиционного действия пространство для рационального осмысления сужается благодаря нормам, предлагающим в том или ином случае конкретные цели и средства для их реализации [Вебер, 1990: с. 203].

Теория социального действия М.Вебера положила начало методологии познания традиционного действия путем сравнения его с идеальным типом целерационального поведения, однако не дала ответа на вопрос о том, какими действующими лицами, в каких именно ситуациях, с какими целями и какими действиями осуществляются традиционные либо иные социальные действия. По нашему мнению, основным препятствием этому в то время была недостаточно четкая формализация идеального типа целерационального действия и неопределенность того, каким образом другие индивиды влияют на мотивацию актора и его выбор определенного действия. Вот почему для концептуализации идеально-типичной модели традиционного действия, на наш взгляд, следует использовать современные версии теорий смыслоориентированного действия, безусловно являющиеся развитием идей М.Вебера.

Центральной проблематикой для всех теорий действия является не то, как осуществляется то или иное действие и как оно воспринимается со стороны наблюдателя, а именно выбор того или иного действия из репертуара возможных действий. Выбор действия аналитически делится на выбор цели

и выбор средств для ее осуществления. Именно поэтому все теории действия интересуют прежде всего закономерности выбора цели и средств действия, а также факторы, определяющие этот выбор. То же можно сказать и о традиционном действии. Таким образом, традиционный характер социального действия будет определяться особенностями выбора цели и средств действия, а не тем, как это действие выглядит для наблюдателя. Что же выделяет традиционные действия из множества социальных действий? Каков характер выбора действия, если оно традиционное?

Ответы на эти вопросы требуют определения идеально-типичной модели традиционного действия и отделения его от других социальных и просто реактивных человеческих действий. Для реализации этой задачи, на наш взгляд, целесообразно использовать теорию социального действия Т. Парсонса.

Талкот Парсонс, вслед за М. Вебером, исходит из того, что социальное действие — это действие, ориентированное на смысл действий других социальных акторов, то есть смыслоориентированное. При этом Парсонс предпринял попытку объединить в одном идеальном типе смыслоориентированного действия: а) модель рациональности вроде используемой экономистами и б) нормативную ориентацию при выборе альтернатив.

Исходя из теории Парсонса единичное действие логически предполагает следующие составляющие: 1. Действующее лицо — “актор”. 2. Результат — “цель”, будущее состояние дел, на достижение которого процесс действия ориентирован. 3. “Ситуация”, в которой инициировано действие и направление развития которой отличается от состояния дел, на которое действие ориентировано, то есть от цели. Эта ситуация, в свою очередь, анализируется в двух элементах: тех, над которыми актер не имеет контроля, и тех, над которыми он имеет контроль. Первое можно назвать “условиями” действия, второе — “средствами”. 4. В выборе среди альтернативных средств достижения цели в той мере, в которой это предполагает ситуация, обнаруживается “нормативная ориентация” действия. Что касается сферы контроля со стороны актора, то используемые средства нельзя рассматривать ни как случайно выбранные, ни как зависящие исключительно от условий действия, а как то, что должно быть в определенном смысле объектом влияния независимого детерминирующего фактора, знание которого необходимо для понимания конкретного курса действий [Burt, 1982: p. 3].

Отметим, что осмысленно ориентированное действие и действие, ориентированное на смысл, не суть одно и то же. У М. Вебера целерациональное действие является осмысленно ориентированным, поскольку предполагает определенные калькуляции при выборе цели и средств действия. Вместе с тем в Веберовом идеальном типе рационального действия никак не отражена ориентация на смысл действий других акторов. Каким образом в модели Т. Парсонса представлены “другие” акторы, те, на смысл действий которых должен ориентироваться актер? Во-первых, через социальный контекст, который Парсонс относит к возможным факторам ситуации действия и который всегда связан со статусом актора и его ролями. Во-вторых, через нормативную ориентацию действия [Парсонс, 2000: с. 135]. Однако остается открытым вопрос: как рациональные мотивы (калькуляция затрат, выгоды, целесообразности и оптимальности средств) будут сочетаться с необходимостью подчиняться нормам, если эти два детерминирующих фактора бу-

дут задавать различные варианты действий? Что победит, почему и в каких ситуациях?

Теоретические разработки М.Вебера, Т.Парсонса и современных теоретиков социального действия в плане идеально-типичной модели единичного действия можно обобщить, выделяя существенные моменты единичного действия, которое требует выбора цели и средств для ее достижения. Этот выбор происходит под влиянием ситуационных условий, норм и ценностей. Идеальный тип смыслоориентированного действия предполагает, что такой выбор весьма сложен и обусловлен ответами на ряд вопросов:

- Является ли знание ситуации действия уместным и достаточным?
- Какую цель выбрать?
- Как повлияет достижение выбранной цели на другие цели индивида? Может ли это привести к фрустрации в отношении других целей и какие последствия это будет иметь?
- Какие действия (средства для достижения цели) возможны и с какой вероятностью? Являются ли средства целесообразными, то есть приведут ли они к намеченной цели?
- Какие последствия (желательные и нежелательные) будут иметь действия, которых можно выбрать в качестве средств для достижения цели?
- Приемлемо ли в качестве средства действие, учитывая его нежелательные последствия?
- Какие средства приводят к цели с минимальными затратами?

Разумеется, в некоторых ситуациях, для определенных акторов, по поводу определенных целей и средств целесообразно упростить поиск ответов на эти вопросы, предлагая только единственную цель и средство для ее достижения, а в некоторых случаях даже просто действие, не разделяя его на средство и цель, поскольку настоящая цель вообще может быть непонятна действующим лицам. То есть — упростив смыслоориентированное действие до уровня традиционного действия, которое предполагает почти автоматический ответ на знакомую или привычную ситуацию.

Таким образом, традиционное действие в отличие от смыслоориентированного индивидуального действия не предполагает выбора ни цели, ни средств для ее достижения. Иными словами, традиционное действие — это действие без выбора, когда актер не оценивает возможных целей, не выбирает среди них одну, не анализирует вероятных средств и не выбирает среди них одно, соответствующее достижению цели, поскольку выбор действия заведомо предполагается традицией по умолчанию. В этом случае можно сказать, что идеально-типичное традиционное действие граничит с реактивным действием.

Отметим, что мы охарактеризовали только идеальный тип традиционного действия. В реальности действия, которые обычно считаются соблюдением традиций, могут отличаться от идеального типа. Идеальные типы традиционного и смыслоориентированного действия являются полюсами континуума, вдоль которого аналитически располагаются реальные традиционные действия, тяготея к тому или иному полюсу. Поэтому точную границу между смыслоориентированным и традиционным действием в реальности провести трудно; реальные действия могут быть их “миксом”. Кроме того,

некоторые действия извне могут выглядеть как соблюдение традиций, но они не будут традиционными по характеру выбора действия. Например, оказавшись в другой стране, традиции которой отличаются от существующих в стране актора, он вероятнее всего будет пытаться действовать в соответствии с традициями страны, в которую он приехал. Но данное действие, исходя из идеального типа, в действительности не является традиционным, а полностью смыслоориентированным, ведь актор может сознательно выбирать, соблюдать ли ему традиции, учитывая последствия того или иного выбора. В этом случае нормы и ценности, средства для достижения цели, а также ситуационные условия, лежащие в основе традиционного действия, будут выступать объектами ориентации действия. В качестве таких объектов выступают и традиционные табу, запрещающие актору выбирать определенные, табуированные традицией средства для достижения цели. В обоих случаях актор будет осмысленно, а не традиционно выбирать действие [Парсонс, 2000: с. 415–550].

Сравнение смылоориентированной и традиционной моделей позволяет аналитически определить те случаи, когда превращение целерациональных действий в традиционные крайне важно для социальных систем, в частности следующие: 1) выбор цели усложнен тем, что существуют конкурентные цели; 2) выбор цели, важной для социальной системы, усложняет или делает невозможным достижение других целей, важных для самого актора; 3) актору трудно оценить спектр возможных средств действия, целесообразность и эффективность их; 4) актору сложно определить, какие именно средства приводят к цели с наименьшими затратами; 5) актору трудно оценить желательные и нежелательные последствия выбора того или иного средства для достижения цели; 6) актору трудно выбрать важные для социальной системы действия, принимая во внимание нежелательные последствия для самого актора; 7) знание ситуации действия может оказаться ошибочным или недостаточным; 8) ситуация действия слишком сложна для адекватного осознания ее актором, амбивалентна или может спровоцировать иные действия, не соответствующие интересам социальной системы в целом или интересам определенных социальных групп, которые устанавливают социальные порядки.

Интересный взгляд на место традиции в структуре социального порядка содержит предложенная М.Вебером концептуализация “установленного социального порядка” как устойчивого воспроизводства определенных типов социального действия [Вебер, 1990: с. 544–545].

М.Вебер для целей анализа исходит из видения социального порядка как рациональной конструкции, которая, постепенно усложняясь, строится на основе социальных отношений. С такой аналитической позиции социальный порядок рассматривается как устанавливаемый при согласии индивидов, каждый из которых целерационально соотносит свое действие с действиями других людей. Установленный социальный порядок имеет силу до тех пор, пока люди в своих действиях руководствуются ожиданием от других людей соответствующих действий, предусмотренных в рамках действующего порядка. Этот порядок действительно существует в той мере, в какой люди признают его существование. А признают они его существование до тех пор, пока соответствующие действия других людей оправдывают (разумеется, с некоторой удовлетворительной вероятностью) их ожидания. На-

против, разрушение устойчивого порядка можно фиксировать в той мере, в какой соответствующие действия перестают соответствовать ожиданиям, основанным на этом порядке, вследствие чего люди перестают действовать так, как если бы этот порядок существовал [Захарченко, 2008].

“Установленный порядок” рационален в том смысле, что он сконструирован на основании предположения, что индивиды будут действовать целенаправленно. Рациональный “смысл” устойчивого порядка, однако, доступен далеко не каждому из тех, кто действует в предположении о его существовании, или тех, кто поддерживает его. Вебер замечает: по мере возрастания дифференциации общественной жизни общественные установки становятся все более сложными, и индивиды, участвующие в этом порядке, все меньше и меньше в состоянии понять их рациональное содержание. В итоге они вынуждены довольствоваться эмпирическим знанием — в той мере, в какой это знание может уберечь их от неприятностей. Эмпирический смысл установленного порядка воплощается в ожиданиях, базирующихся на том, что этот порядок был когда-то создан, а в данное время гарантируется аппаратом принуждения; поэтому индивид строит свои действия в соответствии с ожиданиями действительности этого порядка. Эмпирический смысл порядка в таком понимании, в частности, известен тем, кто намерен действовать вопреки ему, “обойти” его [Захарченко, 2008].

По типу и степени посвященности в рациональный смысл установленного порядка Вебер различает четыре основных группы людей в обществе.

Рациональный порядок, в какой бы форме он ни объективировался, инициируется определенной группой людей — “идеологами” порядка, и их цели могут быть какими угодно. Установленный порядок может отвечать как целям, так и средствам таких “творцов” порядка, а может оказаться побочным результатом их целерациональных действий.

Вторая группа людей субъективно толкует цели созданного порядка и активно его внедряет. Это, условно говоря, “органы” общественного объединения, “стражи” общественного порядка, и они не обязательно знают нечто достоверное о целях его создания.

Третья группа людей — те, кому рациональный порядок известен в той мере, в какой это необходимо для достижения их частных целей. Они используют рациональный порядок как средство и условие достижения своей цели, являющейся принципиально достижимой в рамках данного порядка. Они используют существующие установления в качестве средства для ориентации своих легальных и нелегальных действий, поскольку те связаны с ожиданиями в отношении действий других людей, прежде всего членов своей группы, а также в отношении действий защитников общественного порядка.

Четвертая группа — это так называемая масса. Для этих людей установленный порядок существует в форме традиции. Традиционное поведение осмысленно при условии устойчивого воспроизводства ранее установленного порядка и имеет характер адаптации к нему. Такое “традиционное” поведение не предполагает ни знания, ни размышлений о цели и смысле установленного порядка. М. Вебер даже утверждает, что традиционное поведение не предполагает знания о самом существовании этих порядков. В традиционном поведении эмпирическая значимость именно рационального порядка основывается прежде всего на согласии подчиняться тому, что при-

вычно, к чему приспособились, что привито воспитанием и стабильно повторяется [Вебер, 1990: с. 544–545].

В сложной социальной конструкции социальный порядок может быть объективно рационально сконструирован, однако поведение преобладающей массы людей приближается к типу повторяемых массовых действий, без какого бы то ни было соотнесения их с истинным смыслом социального порядка. Прогресс в сфере дифференциации и усложнения организации общества означает, что в итоге те, кого практически касаются организационные порядки, все дальше отходят от их рациональной основы. Эта рациональная основа более скрыта от них, нежели смысл магических процедур, осуществляемых колдуном, — от “дикаря”. “Дикарь”, подчеркивает М.Вебер, знает куда больше об экономических и социальных условиях своего существования, чем “цивилизованный” человек в обычном смысле слова. Современный человек ведет себя “рационально” лишь в том смысле, что он, во-первых, уверен, что условия его повседневной жизни в принципе рациональны, что они созданы людьми, являются продуктами человеческой деятельности, доступны рациональному знанию, воспроизводству и контролю, а во-вторых, что социальный мир функционирует по известным правилам, доступным калькулированию, и можно ориентировать свои действия в соответствии с однозначными ожиданиями.

Итак, идеально-типичные традиционные действия совершаются без соотнесения их с каким-либо универсальным содержанием, и потому приближаются по типу к повторяющимся массовым действиям. Традиционные действия совершаются по привычке, в результате воспитания, исходя из устоев и существующего порядка. В той мере, в какой порядок является устойчиво воспроизводимым, индивид может даже не подозревать о его существовании в качестве установленного кем-то порядка, не задумываться о его целях и смыслах. Таким образом, индивид соотносит свои действия не столько с живым действием другого индивида, направляемым живой целенаправленной волей, сколько с однообразно повторяющейся схемой ожиданий, неизменно подтверждающихся в устойчиво воспроизводимом порядке. В рамках “традиционного” действия человек из “массы” не видит себя среди других людей и не осмысливает порядок мира как порядок взаимодействия с другой человеческой волей и человеческим сознанием. В той мере, в какой он действует в соответствии с традицией, он живет в “механическом” мире, не подозревая о его человеческом происхождении, человеческом содержании и о подверженности его влиянию человеческой воли.

Осмысливая традицию как стереотип действия, то есть составляющую общественных знаний, можно сделать ряд выводов касательно ее генезиса. Несмотря на постоянство мира традиций, они все же изменяются. Характер этих изменений может быть как эволюционным, так и революционным. По нашему мнению, становление традиции подобно становлению парадигмы в качестве общепринятого образца действий или мнений. К примеру, развитие парадигм в сфере научного знания было проанализировано Т.Куном в “Структуре научных революций” [Кун, 1977].

Традиции не зарождаются как традиции в полном смысле этого слова, поскольку действие, которое потом становится традицией, зарождается в определенных социальных кругах как инновация, как смыслоориентированное действие. Новация осуществляется вне традиции, порывая с тради-

цией или вопреки традиции. Если инновационное поведение приносит позитивный результат, оно распространяется и закрепляется в обществе, передается как культурный опыт, то есть превращается в новую традицию. Некоторые продуктивные инновации постепенно оформляются в соответствующие культурные институты, влияют на стереотипы поведения, и тем самым — на социальную традицию. Согласно Веберовой трактовке установленного социального порядка, субъект инновации может не совпадать с субъектом (носителем) традиции.

Учитывая достижения неинституциональной теории, в частности в осмыслении так называемых QWERTY-эффектов (подр. см. : [Бренделева, 2006: с. 42–47]), можно определить факторы, детерминирующие развитие традиции по эволюционному или революционному сценарию. Таким образом, дальнейшая судьба традиции существенно зависит, во-первых, от того, приводит ли традиционное действие к ожидаемому результату; во-вторых, от того, насколько традиция интегрировалась в другие устойчивые конфигурации социального порядка как упорядоченное основание для новых практик. Эволюционное развитие традиций возможно тогда, когда традиционные действия являются продуктивными (с точки зрения актора), а тем более если они интегрируются в другие конфигурации социального порядка. Революционного развития, разрушения традиции можно ожидать тогда, когда по мере изменения социальной ситуации традиция становится контрпродуктивной и на ее основе невозможно развитие в достаточной мере новых социальных порядков. Традиция разрушается, если накоплена критическая масса примеров, когда соблюдение ее ведет к негативному для актора результату. Тогда традиция превращается из почти реактивного действия в осмысленно ориентированное, при котором сама традиция является объектом ориентации, то есть возникает вопрос: что лучше — придерживаться традиций или действовать как-то иначе?

Если традиция приводит к отрицательным последствиям, но на ее основе развиваются социальные порядки, нельзя однозначно предвидеть дальнейшее развитие традиции. Вопрос в том, что окажется более болезненным и нанесет больший вред — контрпродуктивная традиция или разрушение порядков, выросших на ее основе.

Итак, в социальной системе приближение той или иной традиции к осмысленно ориентированному или реактивному действию зависит от стадии становления и развития данной традиции. На стадии зарождения традиция близка к осмысленно ориентированному действию, когда акторы еще выбирают средство и цель из альтернативных вариантов. На стадии стабильного функционирования, когда то или иное действие становится общепринятым в определенной социальной системе, традиционное действие приближается к реактивному, при котором средства и цель социально обусловлены традицией по умолчанию (идеально-типизированное традиционное действие). Впрочем, следует подчеркнуть, что традиция будет приближаться к реактивному действию только для постоянных акторов социальной системы. Для новых членов традиция, как правило, остается осмысленно ориентированным действием в процессе социализации в этой социальной системе. На стадии разрушения традиция снова приближается к осмысленно ориентированному действию, то есть возникают другие, наря-

ду с традиционным действием, средства для достижения цели, среди которых актер может выбирать то или иное по своему усмотрению.

Предложенная концептуализация традиции позволяет осмыслить этот феномен сквозь призму теорий социального действия и создать идеально-типичную модель традиционного действия, определить ее характерные черты и ситуации, в которых превращение смыслоориентированных действий в традиционные жизненно важно для социальных систем.

Литература

Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотерика, политэкономия / [гл. ред. С.Ю. Солодовников]. — М.: МФЦП, 2002. — 1008 с.

Большая энциклопедия : в 62 т. / [гл. ред. С.А. Кондратов]. — М.: Терра, 2006. — Т. 37. — 592 с.

Бренделева Е.А. QWERTY-эффекты, институциональные ловушки с точки зрения теории транзакционных издержек / Е.А. Бренделева // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2006. — Т. 4, № 2. — С. 42–47.

Вебер М. Хозяйство и общество / Макс Вебер ; пер. с нем. ; под ред. Л.Г. Ионина. — М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2007.

Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. Ю.И. Давыдова. — М.: Прогресс, 1990. — 804 с.

Захарченко М.В. Социальная традиция [Электронный ресурс] / М.В. Захарченко. — СПб., 2008. — Режим доступа : www.portal-slovo.ru/pedagogy/37923.php.

Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. — М.: Прогресс, 1977. — 300 с.

Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. — М.: Академический проект, 2000. — 880 с.

Burt R. S. Toward a structural theory of action / Burt R.S. — N. Y.: Academic Press, 1982. — 373 p.